

Анатолий Цыганов
Время было такое

Повесть и рассказы

Анатолий Цыганов

**Время было такое.
Повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Цыганов А.

Время было такое. Повесть и рассказы / А. Цыганов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833962-2

Реальные события 1929 года. На бывшую дачу сибирского помещика Лебедева приезжают комсомольцы для организации совхоза. Власти привлекают их к «раскулачиванию» крестьян соседнего села. Туда же из-за границы тайно прибывает сын помещика искать спрятанное отцом золото.

ISBN 978-5-44-833962-2

© Цыганов А.
© Издательские решения

Содержание

Время было такое	6
История образования совхоза	7
Начало	10
Коммуна «Красный Трудовик»	12
Село Кубовая	14
Мельник	17
Приезд комсомольцев	19
«Силосники»	21
Наступление на «кулаков»	23
«Повстанческая армия» Сизова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Время было такое Повесть и рассказы Анатолий Цыганов

© Анатолий Цыганов, 2016

ISBN 978-5-4483-3962-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цыганов Анатолий Фёдорович – родился 22 марта 1949 года в селе Сосновка Новосибирской области.

После завершения учёбы в Новосибирском геологоразведочном техникуме направлен работать в г. Воркуту. Работал в полевых партиях. Прошёл путь от техника до начальника партии.

Окончил Ухтинский государственный университет по специальности «геофизика». С 1988 года живёт в г. Ухта. В настоящее время работает в ОАО «Севергеофизика».

Печатался в газете «Заполярье», г. Воркута, газете «Ухта», литературном альманахе «Полярный следопыт», газете «Геолог Севера», альманахе «Белый бор», сборнике ухтинских авторов «Перекаты» и др. Автор сборника рассказов «Шаман», книги «Сейсмари».

Время было такое Повесть

*Посвящается моей матери
Марии Семёновне,
в девичестве Стадниковой,
первой комсомолке
села Сосновка*

Поимённый указатель

Клемешев Пётр Панфилович – управляющий, 36 лет
Макаров Алексей Фёдорович – руководитель коммуны, 46 лет
Агафонова Марфа – жена Якова Ширинкина, 17 лет
Бугаев Иван – комсомолец (комиссар прибывших), 20 лет
Бугаев Алексей – комсомолец, 19 лет
Бугаев Василий – комсомолец, 17 лет
Ваганов Матвей Ильич – помещик
Ваганов Пётр Савельевич – кулак, впоследствии заготовитель, 23 года
Ваганова Полина – жительница села Кубовая, 17 лет
Грачёв Александр – комсомолец, 17 лет
Грачёв Иван – комсомолец, 18 лет
Иванова Надя – комсомолка, 16 лет
Лебедев Пётр, он же Рябов Иван Селивёрстович, 20 лет
Лебедев Алексей Михайлович – помещик, отец Петра Лебедева
Ломов Василий, он же Суков Михаил Агафонович, 24 года
Ломов Семён Аркадьевич – отец Василия Ломова
Молчанова Нина – комсомолка, 18 лет
Муханов Ефим Иванович – конюх, 37 лет
Мезис Михаил Емельянович— уполномоченный ОГПУ, 36 лет
Пупынин Егор – крестьянин, 47 лет
Руленко Малофей Иванович – мельник, 52 года
Сизов Тарас Матвеевич – кулак (командир повстанцев), 26 лет
Стадникова Маруся – секретарь комс. ячейки, 16 лет
Терентьев Игнат Кузьмич— кулак (владелец мельницы), 30 лет
Терентьев Кузьма Семёнович – отец Игната
Ширинкин Яков – комсомолец (осодмиловец), 19 лет

История образования совхоза *Из рассказов первых жителей с.* *Сосновка Я. М. Ширинкина и Е. И. Грачёвой*

В 1906 году между рек Пашенка и Барлак было образовано поселение, в котором проживали 38 человек, из них 23 мужчины и 15 женщин. В этом поселении насчитывалось 15 личных хозяйств. Окружным центром был город Новосибирск, расстояние до него – 30 км. Районным центром – село Барлак, до которого – 16 км. В районном центре находились школа и больница. Расстояние до железной дороги (г. Новосибирск) – 30 км, расстояние до речной пристани (п. Колывань) – 11 км. Это поселение было образовано помещиком Лебедевым, который построил здесь летнюю дачу. Она состояла из помещичьего дома, трёх барачков для прислуги и работников и барской конюшни.

С Лебедевым соседствовал Терентьев, владелец земельных угодий, расположенных восточнее Ломовской дачи. Он имел паровую мельницу, скот. Рядом с барским домом размещались хозяйственные постройки, помещения для батраков, загоны для скота.

С 1886 года на правом берегу реки Барлак находились личные владения помещика Сизова. Пять водяных мельниц работали без перерыва, перемалывая зерно, которое привозили к нему крестьяне окрестных сёл. Помещик сидел на своей земле крепко. В пяти срубленных крестовых домах жили работники мельниц, батраки, а один из них был отдан под заезжий двор. Большой барский дом был виден издали. У Сизова работало 18 человек, из них 7 мужчин и 11 женщин.

Всем жителям нашего села известна Вагановка. Она славится своими землями, живописными окрестностями, сосновым бором. Это место в давние времена облюбовал для себя ещё один помещик, по фамилии Ваганов. Он имел на реке Барлак три водяные мельницы, обширные земельные угодья. Ваганов выращивал, скупал и перепродавал скот, зерно, птицу. Обедневшие крестьяне Кубовой, Покровки и других сёл за гроши нанимались в работники к помещикам, жизнь которых была сытной и протекала неторопливо. У Ваганова работало 41 человек, из них 21 мужчина и 20 женщин.

В 1919 году на Вагановке возникла первая крестьянская коммуна «Красный Трудовик», в состав которой вошли бедняки 30—35 крестьянских дворов. Руководителем коммуны на общем собрании был избран пожилой, но энергичный коммунист Макаров Алексей Фёдорович. Просуществовала коммуна до 1931 года, а потом она была распущена. Бывшие её члены разъехались по своим сёлам, небольшая часть из них переехала в город.

Правее Вагановки другой помещик Корнилов, на реке Барлак образовал поселение, в котором проживало 54 человека, из них 26 мужчин и 28 женщин.

После решений 15 съезда ВКП (б) началось наступление на кулаков.

Большое значение для ликвидации помещичьих и кулацких гнёзд на территории нашего села имела деятельность первого коммуниста села Клемешев Петра Панфиловича.

Много было сделано для установления Советской власти в этих местах первыми комсомольцами. Вилами и топорами встречали в помещичьих и кулацких дворах бригады по раскулачиванию. Но всё же были раскулачены и выселены Сизов, Терентьев, Ваганов и другие владельцы обширных земельных угодий.

В 1929 году на месте поселения был создан первый совхоз №78. Управляющим его был назначен П. П. Клемешев, человек опытный, энергичный и смелый. Он много сделал для укрепления хозяйства.

Только представьте: в 1929 г. создан совхоз, а в 1931 г. уже закладывается первая настоящая улица в нашем селе, та, что идет от конторы (Линейная).

В 1932 г. совхоз уже величают комсомольско-молодежным, потому что из 400 жителей в нем 250 комсомольцы и молодежь. И во всем они задавали тон. Людям, пришедшим сюда, всегда до всего было дело!

Комсомолка – зоотехник Надя Иванова создала в совхозе комсомольско-молодежную бригаду телятниц. Сама их обучила, сама к делу приступила. С молодым задором трудилась бригада, в которую входили Молчанова Надя, Стадникова Маруся и др.

«События 1928—1929 годов – своеобразный рубеж в истории Советской России. В них заключена целая цепь драматических перемен, радикально изменивших картину политической жизни и направление общественного развития страны.

В эти годы большевистское руководство, одержимое идеей ускоренного индустриального роста, резко изменило методы социального переустройства общества. После нескольких лет относительно спокойного развития в рамках нэпа сталинская группировка сделала ставку на насильственные изменения. Репрессивно-карательные меры против различных политических и общественных сил вновь были поставлены на службу интересам власти.

Возобновление карательных действий против крестьянства, физическая расправа с «левой» (троцкистской) оппозицией в рядах ВКП (б), разгром и изоляция «правого уклона» – таковы были основные внешние признаки, возвестившие наступление одного из самых трагических периодов советской истории».

С. А. Попков. Сталинский террор в Сибири.

Стадникова Маруся (начало тридцатых годов)

Начало

В стороне от Сибирского тракта, на слиянии двух мелководных речушек Пашенки и Барлака, среди соснового бора, спряталась бывшая летняя дача местного помещика Алексея Михайловича Лебедева. На фоне трёх времянок для прислуги, кузни и конюшни на пять лошадей, оставшейся от когда-то богатого конезавода, барский дом выделялся высоким каменным фундаментом. Помещик с сыном сбежал в девятнадцатом году с проходившими в трёх километрах от дачи колчаковскими войсками. Немногочисленная челядь влилась в коммуны, созданную на базе конезавода. Ранней весной двадцать девятого года на заимку нагрязнуло четверо бойцов ОГПУ во главе с уполномоченным из города. Представители ОГПУ долго ходили по брошенным постройкам, что-то тщательно вымеривая шагами. С местными жителями в контакт не вступали. Уполномоченный сидел на пенке и делал пометки в составленной от руки карте. Закончив обмер, делегация убыла в город.

Через неделю на дачу вновь прибыл уполномоченный, на этот раз без бойцов. С ним приехали пятеро комсомольцев: три парня и две девушки. Нехитрый скарб был уложен в мешки и размещался на подводе, которой управлял пожилой крестьянин из соседнего села. Высадив пассажиров, он тут же уехал. После чего все решили, что начальство прибыло надолго. Приезжие разместились в барском доме, в двух свободных комнатах. Уполномоченный обошёл дворы и призвал жителей на общее собрание.

Вечером в бывшем барском доме собрались все крестьяне. Восемь мужиков, одетых в латаные потёртые зипуны, расселись по лавкам. Поодаль разместились комсомольцы. За столом, покрытым красной материей, сидел уполномоченный. Среди серых мужичьих зипунов он выделялся кожаной курткой, затянутой ремнями. Дождавшись, когда утихнет шум, уполномоченный встал из-за стола и громко откашлялся, приготовившись говорить.

– Товарищи! – начал он. – Советская власть взяла путь на индустриализацию страны! Родине нужны станки, машины, трактора!..

– Ты, мил человек, нам агитацию не наводи, – раздался голос пожилого крестьянина. – Говори, зачем нас позвал и кто ты такой?

– Я, товарищ, вас не агитирую. Зовут меня Пётр Панфилович Клемешев. А зачем я вас созвал? Это особый разговор. Если меня не будут перебивать, я всё объясню.

– Ежели ты нас хочешь уговорить в колхоз вступить, так мы уже состоим в коммуне «Красный Трудовик», что на Вагановке. Там у нас всё хозяйство. А тут только бабы да ребята. И здесь уже была коммуна «Красная Заря» на месте конезавода. Только распалась. Так что и разговаривать нам не о чём! – раздалась выкрики. Шум усиливался.

– Товарищи! Никто вас не собирается уговаривать! – Клемешев старался перекрыть разошедшихся крестьян. – Коммуну вашу я знаю. Объединяет она крепкие хозяйства. Но это уже пройденный этап, хотя никто и не собирается распускать коммуны. Партия взяла курс на создание коллективных хозяйств. Поэтому необходимо уяснить сегодняшнюю линию преобразований. Я ещё раз прошу меня выслушать, не перебивая.

Шум постепенно стих, и мужики успокоились.

– Как я уже сказал, Советская власть взяла путь на индустриализацию страны. Но рабочим надо есть, – вновь начал приезжий. – Поэтому партия приняла решение создать мощный кулак развития сельского хозяйства. Вы уже знаете: коллективизация крестьянских хозяйств идёт по всей стране, но в таких местах, где нет возможности организации коллективного хозяйства, принято решение создавать государственные сельские поселения. Так, на базе бывшей дачи Лебедева Сибкрайком утвердил образовать Государственное сельскохозяйственное предприятие. С завтрашнего дня все жители бывшей лебедевской дачи автоматически становятся рабочими госхоза!

С места вновь встал пожилой крестьянин:

– Ты вот что, товарищ Клемешо'в, разъясни народу. Вот ты говоришь: коллективизация идёт по всей стране. А мы вроде уже все в коммуне, и нас никто не спросил, хотим мы или нет из неё выходить.

– Объясняю всем, и тебе в отдельности, товарищ. Не знаю, как тебя звать.

– Пупынины мы. Егором родители нарекли.

– Вот для тебя, Егор Пупынин, разъясняю отдельно. Все постройки лебедевской дачи переходят во владение госхоза. Значит, работники коммуны владеют ими незаконно, а следовательно, либо должны их освободить, либо работать в госхозе. Так что решай, Егор Пупынин, либо завтра выходишь на работу в госхозе, либо освобождаешь жильё. Надеюсь, вам всем понятно?

– Что тут непонятного. Втолковал, как по Библии.

Народ собрался расходиться.

– На Вагановке и жилья нет. Ежели отсюда выезжать, то только в чистое поле. Так что, куды ни кинь, кругом клин.

– Минуту, товарищи! Я ещё не закончил! Все, кто остаётся, с завтрашнего дня приступают к работе. С шести до семи утра регистрация вот на этом месте. Начинаем строительство коровника на пятьдесят мест и свинарника. И последнее: для баб тоже имеется работа. Кроме того, дети мужского пола старше двенадцати лет также подлежат трудоустройству.

На этом уполномоченный собрание закончил. Народ разошёлся по дворам переваривать неожиданную новость.

– Были коммунары, а теперь не пойми кто. Чудно` выходит. Крутит власть людьми, как овечьим дерьмом. Что дальше будет?

Коммуна «Красный Трудовик»

На следующий день Клемешев с утра пошёл в конюшню. Когда-то помещик держал племенных лошадей. Табун скакунов располагался в пяти конюшнях и выпасался на вольных лугах близ села Покровка, вызывая зависть соседей. После установления Советской власти на месте конезавода организовалась коммуна под громким названием «Красная Заря». Но недостаточный уход за лошадьми и попросту разгильдяйство членов коммуны привели к тому, что почти все племенные лошади пали, а коммуна распалась. На месте конезавода осталась единственная конюшня. Там и нашёл управляющий одноногого конюха, который служил ещё старому барину, и попросил его осмотреть бричку. После велел запрячь в неё одну из лошадей. Конюх недовольно стал ворчать, что лошадей надо бы подковать, а кузнеца нет, что конюшня от ветхости разваливается, и вообще ему, одноногому, тяжело, но лошадь запряг. Клемешев его почти не слушал. Впереди наваливалось много проблем, которые до сего дня были совершенно ему незнакомы. Регистрацию закончили, и народ толпился у крыльца конторы, ожидая дальнейших указаний. Поэтому, быстро распределив людей по рабочим местам, он взял портфель с документами и выехал в коммуну. В трёх километрах от дачи Лебедева находилось ещё одно поселение, бывшая дача сибирского помещика Матвея Ильича Ваганова. Сам Ваганов до двадцать третьего года жил в городе Новониколаевске, изредка навещая дачу, потом неожиданно исчез. В народе это место так и окрестили Вагановкой.

Лошадь быстро домчала Клемешева до места. Ещё издали он увидел обширные деревянные времянки, где под навесами из неотёсанного горбыля стояли вперемешку коровы, лошади, овцы. За деревянными навесами скотного двора возвышался бревенчатый двухэтажный дом. Над крыльцом развевался красный флаг и красовалась яркая вывеска: «Коммуна, Красный Трудовик». На первом этаже располагалось руководство, там же жили часть крестьян коммуны и сам руководитель, Алексей Фёдорович Макаров, пожилой уважаемый работник, герой гражданской войны. Второй этаж пустовал, в большом зале изредка проводились собрания.

Пётр Панфилович привязал лошадь к одинокому столбу, маячившему возле дома, торопливо схватил портфель и почти бегом взбежал на крыльцо. Отворив дверь, он вошёл в просторную комнату, обставленную простенькой мебелью, добротной сколоченную местным умельцем. На стене висел красный транспарант, на нём белой краской было написано: «Ни одного гектара незасеянной земли!». Под транспарантом стоял стол, покрытый красной материей. На столе лежали в беспорядке бумаги, которые внимательно рассматривал пожилой человек в круглых очках. Возле него стояли и оживлённо разговаривали несколько мужиков. Поздоровавшись с немногочисленными посетителями, Клемешев сразу направился к Макарову, узнав его по алому ордену Красного Знамени на плотном френче дореволюционного покроя.

– Клемешев, – коротко представился он.

Макаров протянул руку:

– Наслышаны, товарищ Клемешев. К нам с какой целью?

– Дело у меня, товарищ Макаров, вот какое. Ты в курсе, что часть имущества коммуны переходит во владение госхоза?

– Я ознакомился с постановлением Сибкрайкома, – после некоторого раздумья ответил Макаров.

– Так вот, кроме постановления крайкома у меня на руках имеется предписание исполкома о передаче коммуной пятидесяти процентов наличного скота, фуража и посевных запасов госхозу.

– Ты что? С ума сошёл? Это же удар по коммуне. Под самый корень. К тебе же отходят шесть хозяйств. А что мне остаётся? Для остальных тридцати?

– Товарищ Макаров! Дело не в шести хозяйствах! Есть государственное предписание! Ты что?! Невыполнение постановления исполкома – уголовное преступление! – голос Клемешева почти сорвался на крик – Под статью попасть хочешь?!

– Ты, Клемешев, меня не пугай. И не ори. Я в гражданскую не боялся, а ты меня статьёй пугаешь. Не о том надо думать. Людей нечем будет кормить. Мы и так по налогам всё подчистили. Только на посев осталось. А здесь половину отдать надо.

– Ладно, Алексей Фёдорович, я не пугать тебя приехал. У меня постановление. Я его должен исполнить. И точка. Список работников, переходящих в госхоз, тебе направили. Завтра пришлю подводы с комсомольцами, так что ты распорядись, чтобы они получили всё положенное. Вот перечень, – Клемешев вытащил из портфеля пачку бумаг и передал собеседнику. – Ну, бывай.

Клемешев вышел, а крестьяне обступили руководителя, шумно выражая недовольство.

– Что же это такое, Алексей Фёдорович? Чем же мы весной сеять будем? А осенью опять всё под гребёнку? Ты можешь объяснить, что же это наша власть с нами делает?

– Тише, товарищи! Я столько же знаю, сколько и вы. Постановление исполкома надо выполнять. Я через два дня еду в Барлак и всё постараюсь прояснить! А сейчас идите по рабочим местам.

Люди стали расходиться. То там, то тут вспыхивали бурные споры, сопровождаемые размахиванием рук и громкими криками.

Клемешев уже не слышал ни возмущения крестьян, ни рассуждений Макарова. От нахлынувших в одночасье проблем у него постоянно болела голова. Ныло и дёргалось возле левого уха – следствие колчаковской пули. Поморщившись от захлестнувшей боли, Пётр, чуть пошатываясь, дошёл до привязанной лошади и потерял сознание.

Очнувшись оттого, что кто-то тянул его за рукав кожанки. Сквозь пелену увидел лошадиную морду. Огромные глаза пристально вглядывались в лицо. Лошадь кивала головой и тихонько кряхтела. От барского дома бежали люди. Толпу возглавлял Макаров. Подбежав к бричке, народ засуетился, предлагая помощь.

– Живой? – Макаров с крестьянами осторожно уложил Клемешева в бричку. Пётр попытался встать, но в глазах всё поплыло, и он обмяк.

– К фершалу бы надо, – подал голос кто-то из крестьян.

– Ничего, сейчас пройдёт. У меня это случается. Последствия гражданской, – сознание Клемешева наконец прояснилось, и он обрёл былую силу.

– Напугал ты нас, товарищ Клемешев. Мы уж думали: тебе конец, – Макаров облегчённо вздохнул.

– Как же фершал? – вновь спросил крестьянин.

– Фельдшер отменяется, меня уже лечили, да, кажется, не долечили. Спасибо, товарищи, за помощь. Теперь я сам. Мы ещё повоюем.

Крестьяне помогли Клемешеву отвязать лошадь, подозрительно пофыркивающую от непривычного внимания, и постепенно разошлись.

Село Кубовая

На обратном пути Пётр Панфилович решил заехать в село Кубовая. Старинное село в двести восемь дворов считалось одним из крупнейших на ближайшие вёрсты. Жители села испокон занимались заготовкой берёзовых дров и складывали их аршинными кубами для продажи, поэтому и название закрепилось: Кубовая. Там располагался исполком сельского Совета прилегающих поселений и деревень. Дорогу он знал, потому что часто проезжал мимо коммуны в прошлые годы. Поэтому, погнав лошадь в сторону села, быстро доехал до околицы Кубовой. Увидев издали на крыше невысокого здания красный флаг, указывающий на присутствие администрации, направился к крыльцу. Возле двери висела табличка, на которой химическим карандашом была выведена надпись: «Исполком и Совет бедноты Кубовинского сельского района». Войдя в здание, Клемешев толкнул дверь кабинета с надписью «Председатель». Представившись, он стал расспрашивать об итогах борьбы с кулацкими элементами. Председатель сначала замаялся, потом вытащил журнал регистрации недоимок и уверенно заявил, что все единоличные хозяйства выполнили план по налогам.

– И вообще, какие претензии, товарищ Клемешев, к работе сельсовета? – председатель набычился.

– Я вижу: вы здесь недостаточно прорабатываете директивы крайкома ВКП (б)! – вскипел Пётр.

– Ты мне не шей антисоветскую пропаганду. Всё, что нужно, я выполняю, и переставлять ноги мне не надо. А последние директивы я не только прорабатываю, но и чётко выполняю!

– Не вижу выполнения! Местные богатеи живут вольготно! Как и прежде эксплуатируют чужой труд!

– Где ты видишь богатеев?! – сорвался председатель.

– А Пётр Ваганов, Игнат Терентьев, Тарас Сизов?

– Они полностью расплатились с государством, хотя и единоличники. И богатеями их можно назвать с натяжкой.

– У меня другие сведения. Все трое – злостные эксплуататоры, не выполняют «твёрдое задание». Вот документы на Ваганова и Терентьева, переданные мне в Барлакском райисполкоме.

Клемешев порылся в портфеле и протянул бумаги. Это были заявления, написанные на одинаковых листах, вырванных из тетради:

В Барлакский райисполком

от гражданина Кубовинского сельсовета

Деревнина Василия Дмитриевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Деревнин, живя на селе Кубовая в соседству зная хорошо, что Ваганов Пётр Савельевич эксплоатирует батраков.

В 25/26 году жил у него целый год Деревнин Павел Степанович, которого тот действительно эксплотировал.

В 26/27 году жил ещё Михаил Бочко, Лыкова заимка; Афоня забыл как его знаю, которого действительно эксплотировал и в 27/28 году жил у него Просвириин Алексей с посёлка Покровка и так многие работали у него.

Когда приезжая на посёлок он был как уполномоченный этого посёлка, то он хитрее удумал, что я езжу, вы должны мне позже отработать. Деньгами беру, это, говорит, не в счёт, а вы должны мне ещё позже отработать, и все работали.

К сему подписуюсь: п/п

Неподложность подписи Деревнина Кубовинский сельсовет свидетельствует.

Подпись пред с/совета. Печать.

*В исполком Барлакского р-на
от Епачинцева Григория Д*

ЗАЯВЛЕНИЕ

*В том, что у Игната Терентьева во время Советской власти занимался эксплуатацией
В 1925 году держал работника Адамова Василия*

В 1926 году Гудков из Заимки.

И в 1928 году Проспирин Василий

В чём расписуюсь: Епачинцев

Неподложность подписи Епачинцева Кубовинский с/с свидетельствует

Подпись. Печать.

– Это ты подписи подтверждал? – спросил Клемешев, забирая бумаги.

– Нет, это до меня засвидетельствовано. Председатель и секретарь прошлого созыва: Седельников Михаил и Фёдор Логунов. Их подписи. Пашка Деревнин действительно работал у Ваганова по взаимной договорённости, потому что занимал у того деньги. И делопроизводством Пётр занимался, потому что один он грамотный. Бумаги составлял, а чем расплачиваться? Крестьяне всегда отработывают долги. А Васька Проспирин год жил у Терентьевых, так как приходится племянником Игната. Про Адамова и Гудкова я не слышал. Что касается Василия Деревнина и Григория Епачинцева, то я их хорошо знаю. Лодыри и пьяницы местные, они за «чекушку» что хошь напишут.

– Ты не очень разбрасывайся прозвищами. Это представители бедноты, мы для них власть устанавливали. И ещё. Заявление на Сизова имеется. Кстати, Сизов свою корову не сдал по «твёрдому заданию». Вот подтверждение.

Клемешев вытащил из портфеля ещё три листа. На двух были напечатаны выписки из протоколов:

Выписка из протокола №4

*заседания комиссии содействия Кубовинского с/совета Барлакского района
состоявшаяся 15 декабря 28 года*

Присутствовали 13 человек

Председатель Седельников

Секретарь Логунов

СЛУШАЛИ: об отказе сдачи коровы гр-н Сизов Тарас Матвеевич

По твёрдому заданию, которому неоднократно комиссией содействия предлагался сдать корову, но он не подчинился.

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Президиум с/совета у Сизова Тараса Матвеевича корову изъять административным порядком, как умышленно не сдает по твёрдому заданию корову и не подчиняется Ком соду.

Председатель: п/п Седельников

Секретарь: п/п Логунов

Верно: Пред комиссии: п/п Седельников

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания президиума Барлакского Райисполкома от .....

СЛУШАЛИ: О привлечении к штрафу гр-на Сизова Т М. за невыполнение твёрдого задания по мясозаготовке на деле не выполнено в количестве 1 коровы

ПОСТАНОВИЛИ: гр-на Сизова Т М. привлечь к штрафу в сумме 100 руб. На покрытие штрафа продать из его описанного имущества: корову – 30 руб, грабли – 30 руб, пшеницы 10 пуд – 10 руб, картофеля 25 пуд – 22 руб, сена 25 копен – 25 руб.

Выписка верна: п/п

Третий лист, с кляксами и помарками, содержал некое заявление, если сказать точнее – донос:

В Кубовинский Сельсовет

Барлакского района

Новосибирского округа

От гр-к села Кубовая Барлакского района Н-сиб Окр

ХИЖНЯК Евдокия Ивановна

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим сообщаю о том, что у гр-на села Кубовая Сизова Тараса Матвеевича живёт батрачка, не имеет на то договора и всё время эксплуатирует наемный труд.

И в настоящий момент также в хозяйстве всё время имеет наёмный труд

К сему и подписуюсь: подпись

Клемешев подождал, пока председатель читал, потом продолжил:

– Сизов, кроме укрытия коровы и эксплуатации наёмного труда, агитировал народ не вступать в коммуны.

– И что? Он же рассчитался. Хотя корова у него была единственная, и изъяли её не совсем справедливо. И не батрачка у него жила, а родная племянница. В настоящее время уехала. А создание коммун вообще Советской властью признано нецелесообразным!

– У тебя на всё готовый ответ. Знаешь, как это называется? Партия ясно определила такие высказывания как «правый уклонизм».

– Не надо, товарищ Клемешев, указывать на то, что мне делать и как мне работать. Ты приехал и уехал, а я здесь живу и достаточно знаю, кто и чем дышит. Газеты мы тоже читаем и как-нибудь разберёмся с уклонами.

– Ладно, ты хорошо подкован. Не голос ли это подкулачника?

– Поосторожней с ярлыками! Пытались меня запугать. Местный богатей Лыков в двадцать втором году банду натравил.

– Что же дальше?

– ЧОН тогда всех обезвредил, а у меня так пуля и сидит в лёгком. Так что я уже пуганный.

Председатель спрятал журнал в негорючий шкаф, занимающий почти половину комнаты, и всем видом показал, что беседа закончена. Пётр понял, что разговора не получится, поэтому с сожалением вышел из кабинета.

Мельник

Клемешев ещё немного задержался в отделе регистрации бедняцких семей и выехал домой. Лошадь бодрой рысью вынесла бричку к знакомому просёлку. Клемешеву даже не пришлось управлять вожжами. Поэтому он немного подремал дорогой. Очнувшись, некоторое время не мог сообразить, где находится, и только увидев строения мельницы на реке Барлак, понял, что доехал до дома. Остановив лошадь, Пётр взял её под уздцы и подошёл к реке. На крыльце избушки мельника дремал облезлый «кабыздох». Завидев незнакомца, он приподнял голову, лениво тявкнул и, широко зевнув, снова предался сладкому сну. На запруде, возле мельничьего колеса, сидел заросший старик с окладистой бородой.

– Здорово, дед! – крикнул Клемешев, громким голосом перекрывая шум реки.

– Доброго здоровьица, Пётр Панфилович, – дед встал, внимательно из-под ладони, закрывая слепящее солнце, посмотрел на собеседника и приподнял серую от муки кепку с широким козырьком.

– Откуда меня знаешь? – Клемешев изумлённо остановился.

– Так земля слухами полнится, а новый человек как муха на стекле: со всех сторон виден.

– Ты, дед, философ, – снова подивился Пётр.

– Работа у меня такая. Река на философский лад настраивает. А начальство положено знать в лицо. Потому как оно уважительного отношения требует, хотя само не всегда рабочего человека замечает. Ты, видать, не из тех.

– Я, дед, тоже недавно в начальстве, а раньше в депо слесарил, – Клемешев принялся подправлять упряжь.

Дед подошёл ближе, внимательно посмотрел в лицо собеседника и вытащил кисет с махоркой:

– Вопрос у меня до тебя, Пётр Панфилович.

– Серьёзный видать вопрос, – рассмеялся Клемешев, глядя на то, как ловко дед скручивает «козью ножку» и аккуратно засыпает табак, не уронив ни крошки.

– Да, сурьезней не может быть. Тут, понимаешь, такое дело. Мельницу зерном Игнат Терентьев снабжает. Это тот, что на Кубовой. Да и сама мельница в его собственности. Он и гарнцевый сбор выплачивает, а я, стало быть, у него в работниках числюсь. Только вот в последнее время что-то совсем работы нет. Советская власть отменила наёмный труд, – дед зажёл самокрутку, глубоко затянулся, выпустил струю дыма из обеих ноздрей и хитро прищурил глаза. – Теперь мне как быть? Другую работу искать?

– Другую работу искать не надо. Мельницу наше хозяйство у Терентьева реквизирует. Да и самому Игнату недолго осталось лютовать. Мы железной рукой будем искоренять кулацкую сволочь, – Клемешев посерьёзnel, понимая, что мельник фактически над ним смеётся.

– Тогда я спокоен, а то люди разное болтают. Только вот Игната ты понапрасну в кулаки зачислил. Я с малолетства его знаю. Такой же трудяга. Мы вместе и мельницу ставили.

– Вместе. А теперь ты на него работаешь, – взорвался Пётр.

– Не работаю я на него. Мельница его, не отрицаю. Но и лес он же поставил, и оборудование он привёз, и зерном он снабжает. Так что большая часть приработка его, а мне оплата полагается от помолла.

– А ты не думал, откуда у него деньги на лес и оборудование?

– Что мне думать? – рассмеялся дед. – Они ещё в малолетстве со своим батей, царство ему небесное, из Монголии коней гоняли, а потом в Новониколаевске продавали.

– Где же он деньги на покупку коней взял? – усмехнулся Клемешев.

– Дык, ему ещё дед Петьки Ваганова под процент ссудил.

– Интересная у нас с тобой сказка про белого бычка получается, без начала и конца. А итог один: мироед мироеду в помощь.

– Вам, начальству, виднее, а нам без разницы, чьё ярмо носить.

Клемешев не на шутку разозлился:

– Ты, дед, мне антисоветчину не разводи. Это ты сейчас ярмо кулацкое на шее несёшь, а будешь работать на себя.

– То есть, мельница моя будет? – мельник растянул губы в широкой улыбке.

– Не твоя, а общая.

– Это получается: ничья, – чувствовалось, что дед продолжает насмехаться, и Пётр решил прекратить разговор:

– Я смотрю: каши кулацкой у тебя в голове выше крыши. Но ничего, мы ещё с тобой подискутируем, а пока некогда мне. Хозяйством заниматься надо. Пока, прощевай, дед.

Клемешев пожал мельнику руку и сел в бричку. Тронув вожжи, он, было, отъехал, но внезапно остановился и, повернувшись всем корпусом, крикнул:

– Звать-то тебя как?!

Мельник быстрыми шагами, совершенно несвойственными его возрасту, подошёл к Петру и негромко спросил:

– Зачем тебе моё имя?

– Как зачем? Вроде беседовали, а с кем и не знаю.

– Малофеем кличут, – опять же еле слышно ответил мельник.

– А по отчеству?

– Не велика честь, батюшку поминать.

– Все же?

– Отца Иваном звали.

– Интересный ты человек, Малофей Иванович. Думаю, мы с тобой ещё встретимся, – Клемешев тронул вожжи.

– Куда ж мы денемся, коли тебя над нами командовать прислали, – дед в ухмылке почесал бороду.

Бричка, поскрипывая колёсами, въехала в реку. Лошадь остановилась и принялась жадно пить воду, хватая нижней губой быстрый поток. Пётр не стал торопить разгорячённое животное, он сидел на подстилке из сена и раздумывал. Объём работ создаваемого хозяйства не пугал. Объединить разрозненных крестьян в единый коллектив было простым делом, но как этот коллектив сработается при такой отсталости в головах? Как запустить работу, чтобы всё крутилось и не было сбоев? Что будет с вагановской коммуной? Голова пухла от невесёлых дум. Напившись, лошадь энергично помчалась по дороге, проступавшей среди буйной травы еле заметной колеёй. Через несколько минут показались неказистые постройки Лебедевской дачи. Лошадь весело заржала, завидя навес конюшни, совмещённой с пожарным депо. Бочка, наполненная водой, установленная на телеге, стоявшей поодаль ворот, была окрашена в ярко-красный цвет и выделялась на фоне серых стен конюшни. Это придавало праздничный вид мрачноватому пейзажу. Передав лошадь конюху, Клемешев заметил, что она постоянно прихрамывает. Конюх принялся опять изливаться на отсутствие кузнеца, который мог бы подковать лошадей, но управляющий уже не слышал. Усталость навалилась полной силой, и Клемешев, махнув рукой, пошёл спать.

Приезд комсомольцев

Утром в барском доме, переоборудованном в контору, тренькнул недавно проведённый телефон. Звонили из крайкома комсомола. Секретарь, молоденькая девушка, звонким голосом сообщала, что в селение направляются шестеро комсомольцев из оргнабора. Сейчас они уже на пути с представителем Крайисполкома, который командирован дальше, в Кубовую.

Клемешев выслушал доклад и посмотрел в окно. Возле дома стояла лошадь, запряжённая в телегу, из которой выпрыгивали молодые люди в красноармейских шлемах с котомками за плечами. Отдельной кучкой толпились девушки, пестрея одинаковыми красными платками. Старший из приезжих, по виду это был представитель исполкома, привязывал вожжи к столбу. Остальные робко жались к телеге. При этом представитель исполкома распоряжался по-хозяйски и несколько свысока поглядывал на своих спутников. Делегация направилась в контору. Через минуту дверь распахнулась и, громко топая, в комнату ввалилась толпа молодёжи. Впереди шёл представитель исполкома. Поздоровавшись, сказал, что у него времени в обрез, поэтому он едет дальше. Управляющий не возражал, и представитель тут же удалился.

– Давайте знакомиться, – Клемешев подошёл к комсомольцам. – Откуда прибыли? Как доехали?

Один из прибывших протянул документы:

– По оргнабору, из Перми. Доехали нормально, в райкоме сразу определили к вам. Вот направление. Я комиссар группы Иван Бугаев, это мои братья Алексей и Василий, Иванова Надя. Братья Грачёвы: Иван, Александр, Молчанова Нина.

При этом каждый комсомолец подходил и жал управляющему руку. Клемешев внимательно ознакомился с бумагами, сложил их в папку и обратился к комиссару:

– Понимаешь, Иван. В госхозе уже работают комсомольцы. У них есть секретарь: Маруся Стадникова, поэтому предлагаю пока власть не делить. Приглядитесь друг к другу, поработайте, а потом соберём собрание и выберите общего секретаря ячейки. Ты как, согласен?

Бугаев утвердительно кивнул.

– Вот и хорошо, сейчас располагайтесь. Вас временно поселят в бараке. Вы его сразу увидите, Длинное здание с высоким крыльцом. Там, конечно, тесновато, но по воскресникам начнём строить землянки. На зиму всех расселим. А пока вас распределят по бригадам, распоряжение я дал. Так что устраивайтесь, а завтра за работу. Ну что, вперёд, комсомол! А сейчас мне надо ехать. Вы уж тут сами.

Клемешев стремительно вышел, за ним, чуть поотстав, потянулись комсомольцы. Разыскав секретаря ячейки, Бугаев переговорил о дальнейшей работе и пошёл искать товарищей, уже определившихся с жильём. В бараке было действительно тесновато, но всё равно каждому нашлось место. Прибывшим парням отвели целую комнату, где хранился различный инвентарь. Нину и Надю подселили к девушкам. До утра в бараке не затихал смех. Здесь были все, кроме вновь возникшей молодой семьи, Якова Ширинкина и Агафоновой Марфы, которым, по общему согласию, отвели закуток в недавно отстроенном телятнике. Ещё до приезда группы комсомольцев молодая семья сыграла скромную свадьбу. Тогда же в конце телятника повесили одеяло, сколотили нары, и получилось что-то подобное комнате. К тому времени Яков был избран в охрану общественного порядка, как тогда говорили, ОСОДМИЛ, и имел винтовку, поэтому «отдельная комната» оказалась кстати.

Утром братьев Бугаевых бригадир направил на обустройство силосной ямы. Вместе с ними работал местный парень. Необходимо было укрепить края глиной, которую таскали с крутого берега реки. Через два часа работы присели перекурить. Василий Бугаев вытащил вышитый матерью кисет и сложенную гармошкой газету. Парень тут же потянулся за куревом:

– Дай-ка попробовать твоего, городского.

Василий рассмеялся:

– Какого городского? С чего ты взял?

Парень удивился:

– Вы же из Перми?

– Это мы по оргнабору из Перми. А так мы из деревни, – пояснил Василий.

Паренёк рассмеялся:

– То-то парни удивлялись, как ловко управляетесь с лошадьми. А оно видишь как. Если вы из деревни, чё тогда к нам приехали?

– Понимаешь, какое дело? У нас деревня была маленькая, а налоги большие. Осенью что собрали, то сдали, а сами остались ни с чем. А как голодно стало, мы, все братья, в город подались. А там тоже работы нет. Тут в райкоме комсомола и посоветовали ехать на освоение таёжных земель. На выбор дали несколько районов. Мы с братом выбрали Новосибирский. Это уже из города нас сюда направили, – вмешался в разговор Алексей

– Не жалеете, что поехали?

– А что жалеть? Работа как работа. А развлечения у вас есть?

– Здесь нет, мы в воскресенье ходим в Кубовую. Там у Ваганова вся молодёжь собирается.

Сам Петька Ваганов на гармошке наяривает. Игры, танцы. Так что весело.

– А как его найти?

– Зачем искать? Если хотите, то можете с нами идти.

Братья обрадовались:

– Конечно, хотим. А можно?

– Можно. Завтра воскресенье, вечером и пойдём.

Работа закипела. К вечеру яма была готова, оставалось её наполнить травой, что решено было сделать, начиная с понедельника. А пока довольные парни разошлись, договорившись о завтрашнем походе в соседнее село.

«Силосники»

В воскресенье, как всегда, Маруся Стадникова созвала комсомольцев на воскресник. Посёлок расширялся, рабочие прибывали, в большинстве это были комсомольцы, которых надо было где-то расселять. Вот тогда Клемешев принял решение копать землянки. При надвигающейся угрозе зимних холодов это был самый приемлемый способ расселения людей. Каждая землянка с двухэтажными нарами и железной печью – буржуйкой посередине была рассчитана на тридцать человек. Две землянки предназначались парням, и одна – девушкам. Работы в поле не прерывались. Короткое сибирское лето не давало расслабляться, и все работы по благоустройству личной жизни велись в неурочное время. Парни пилили доски для пола и накатывали брёвна, накрывая готовые ямы, девушки обмазывали стены глиной, чтобы те не осыпались. Одна землянка уже была построена, и внутри шли работы по обустройству нарам. К вечеру закрыли вторую землянку, можно было передохнуть. Братья Бугаевы, потихоньку пятясь к конюшне, незаметно исчезли из поля зрения глазастой Маруси и присоединились к местным парням, направляющимся в соседнее село. Весёлая компания с хохотом переправилась через мелководную речушку и почти бегом устремилась по просёлочной дороге к Кубовой.

Было уже сумрачно, когда ватага дошла до подворья Ваганова. Окна освещались мощными керосинками, слышались звуки гармошки. Парни вошли и, удивлённые, остановились в дверях. Большая комната была почти пуста. Только у стен кое-где стояли длинные лавки, и на отдельном табурете сидел гармонист. Местная молодёжь играла в «ручечек». Под звуки гармошки парни чопорно вели девушек. Те, прикрывая платочками лица, вполголоса что-то напевали. При виде гостей всё смолкло. Из дальнего угла раздался голос:

– Смотри-ка, силосники припёрлись!

Окружающие рассмеялись. Гармонист рванул трёхрядку. Раздался туш, и напряжение спало. Все начали знакомиться, по очереди протягивая руку. При этом девушки прикрывали лица и тихонько хихикали. Гармонист заиграл кадрили. Девушки столпились возле окна, а парни стали приглашать то одну, то другую. Василий обвёл взглядом комнату и внезапно встретился глазами с миловидной черноволосой девушкой, скромно стоящей в окружении подруг. Василия как магнитом потянуло к ней, и он пригласил незнакомку на танец с уверенностью, что девушка откажет. К его удивлению, та согласно кивнула и вышла из толпы. Потом были ещё танцы. К черноволосой подходили другие парни, но она им отказывала, отыскивая взглядом Василия. Во время третьего или четвёртого танца парень решил спросить, как её зовут. «Полина», – скромно ответила девушка. Уже под утро молодёжь разошлась, и Василий пошёл провожать Полину. Она жила недалеко от дома Петра Ваганова в полуразвалившейся убогой избушке. Контраст с огромным домом Ваганова был явным. Василий поинтересовался, не родственник ли Пётр бывшему помещику, хозяину Вагановки. Полина рассмеялась:

– Ты что думаешь, если у него фамилия Ваганов, то он буржуйский родственник? Тогда и я родственница, и вся моя семья. Я ведь тоже Ваганова. Только вот отец за всю жизнь так из нужды и не вылез, а последний год вообще слёг. У нас полсела Вагановы. Конечно, есть и те, которые друг другу родственники или кумовья. А у Петра только дом огромный, это ещё отец его строил. Внутри, ты же видел, ничего нет. Не такой он и богатый.

– А почему нас силосниками называют?

Девушка залилась смехом:

– Ты что, обиделся?

– Нет, но как-то странно.

– Ничего здесь странного нет. Ваши нас тоже парёночками обзывают.

– Почему?

– У нас любят парёную калину, и по осени запах стоит на всё село. Зато от вас за версту силосом прёт.

– А тебе что, неприятно?

– Да нет, нормальный запах. И коровам нравится.

– Ты почём знаешь, что им нравится?

– Я сызмальства с коровами. Нас в семье шестеро, я старшая. Вот и приходится по соседям подрабатывать, у кого коровы есть.

– У богатеев что-ли?

– Да каких богатеев? Вон у Векшиных трое маленьких, жена больная, а корову доить надо. Вот меня и просят помочь. Им хорошо, и нам молоко. А сейчас я в коммуне, дояркой работаю, там вообще всю зиму на силосе. А сейчас не знаю, где работать буду.

– Почему не знаешь? – Василий насторожился.

– Так ваш управляющий коммуну разорить решил.

– Как это разорить?

– А ты что, не знаешь? Он половину хозяйства коммуны отбирает.

– Ты поосторожней с выражениями. Не отбирает, а в госхоз переводит.

– Нам от этого не легче.

– А ты не расстраивайся. Выходи за меня замуж, вот и будешь работать в госхозе.

– Шустрый какой, – Полина рассмеялась, – раз проводил, и уже замуж. Надо время, подумай.

– А что думать? Время быстро летит.

– Мы с тобой даже не целовались.

– Эка невидаль. Поженимся, вот и нацелуемся вдоволь.

– Заладил – поженимся, поженимся. А поженимся, поди, бить будешь?

– Ты эти буржуйские замашки брось, – возмутился Василий. – Сейчас время другое.

Только под утро Бугаев вернулся домой. Тихонько пробираясь по едва наметившейся улице вновь создаваемого посёлка, в полусумраке раннего рассвета он чуть не столкнулся с Марусей Стадниковой, направляющейся на утреннюю дойку. Поспешно юркнув в кровать, Василий забылся коротким сном молодого человека, не особо обременённого заботами.

Наступление на «кулаков»

Дня через три поздним вечером в окно Клемешева раздался стук. Пётр отодвинул занавеску и в лунном свете увидел лицо уполномоченного ОГПУ. Клемешев открыл дверь, впус­тив уполномоченного и двух красноармейцев.

– Ты что это, Пётр Панфилович, без опаски выгляды­ваешь? – спросил тот, протягивая для приветствия руку. – Принимай гостей. Мы к тебе по делу. Я смотрю, ты и не рад.

– Рад, рад, Михаил Емельянович. Без дела ты бы не приехал, а опасаться мне вроде некого, тихо у нас, – управляющий жестом пригласил вошедших рассаживаться. – Выклады­вай, какие дела погнали вас в этакую глухомань.

– Насчёт тишины, это ты расслабился. Читал в «Правде» речь товарища Сталина? Клас­совая борьба, брат, обостряется. Вражеская гидра голову подняла. Белогвардейские недобитки, кулаки, вражеские лазутчики из всех щелей повылазили. Даже на самом верху враги засели. Кругом раскинули свои щупальца. Наша задача – обрубить их и одним ударом уничтожить гадину. По всей России готовится полное уничтожение кулацкого элемента. Ладно, давай к делу. По сообщениям активистов, в селе Кубовая окопались злостные антисоветские эле­менты. Председатель сельсовета всячески им потворствует. Да ты его знаешь. Читал твою докладную. Мы уже много раз указывали на его бесхребетность, но никаких мер пока не при­няли. Наконец, кулаки совсем распоясались, стали укрывать хлеб и гнать из него самогон. Это в то время, когда по всей стране недород. И снова от председателя одни отговорки, «недоимки собраны, задолженности нет». Барлакский райком ВКП (б) и исполком вынужден подключить твоих комсомольцев принять участие в экспроприации кулацкого элемента. Вот постановле­ние о выселении трёх кулацких семей в Кубовой.

– Понятно. Местную бедноту привлекать будем?

– Жители села опутаны псевдородственными связями. Все друг для друга сродственники или кумовья. Поэтому не будут помогать нам, а, вероятнее всего, станут мешать. А надо одним ударом покончить с врагами. У тебя как с оружием? – уполномоченный полез в, прихваченную из брочки, сумку.

– Смеёшься? Какое оружие? Винтовка в ячейке ОСОДМИЛа и десяток патронов к ней.

– Я так и предполагал. Держи револьвер. Система наган, калибр 7,62. В управлении для тебя взял, под свою ответственность. Потом отчитаешься. Не забыл, как пользоваться? – Упол­номоченный протянул оружие и коробку с патронами.

Клемешев обхватил ладонью рукоятку, почувствовав знакомую тяжесть нагана:

– Не бо'ись. Рука не дрогнет.

– Вот и до'бре. Я в тебе не сомневался. А пока определи нас где-нибудь переночевать и предупреди своих активистов: завтра выступаем. Подводы приготовь. Заодно мою лошадь пусть покормят.

– У меня и ночуйте. А я – к осодмиловцам.

Красноармейцы тут же повалились спать, и через минуту раздался громкий храп здоро­вых глоток. Уполномоченный покачал головой, чуть завидуя молодости, сел за стол и, вытащив из сумки пачку бумаг и газету, задумался. Несколько минут он смотрел на листы с грифом «секретно», затем начал читать, беззвучно шевеля губами:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

ЗАСЕДАНИЯ РАЙОННОЙ ПЯТЕРКИ ПО ЭКСПРОПРИАЦИИ И ВЫСЕЛЕНИЮ КУЛА­ЧЕСТВА Барлакского района

п. Барлак 25 июля 1929 года

СЛУШАЛИ: об экспроприации и выселению из с. Кубовая

1. ВАГАНОВА. Петра Савельевича 23 года

Состав семьи: жена 22 года, дочь 3 года, дочь 2 года, сын 1 год

2. СИЗОВА Тараса Матвеевича 26 лет

Состав семьи: жена 23 года, детей нет

3. ТЕРЕНТЬЕВА Игната Кузьмича 30 лет

Состав семьи: жена 26 лет, дочь 7 лет, сын 6 лет, дочь 5 лет, дочь 4 года, дочь 3 года, сын 2 года.

Признаки кулацкого хозяйства: Эксплуатация наёмного труда.

ПОСТАНОВИЛИ: Хозяйства признать кулацкими, подлежат экспроприации и выселению за пределы района.

Выписка верна: Секретарь Райпятайки Подпись

Резолюция исполкома:

Подлежат выселению за пределы района

Отложив выписку в сторону, уполномоченный взялся за газету (это была районная «Бедняцкая правда») и углубился в чтение:

«Решением XV съезда ВКП (б) взят курс на экономическое вытеснение и политическую изоляцию кулачества. Новое изменение политики по отношению к зажиточному крестьянству принято на заседании Барлакского райкома. За основу взята речь товарищ Сталина, где говорится, что наступил перелом в сторону политики ликвидации кулачества как класса».

Уполномоченный задумался: «Что имел в виду товарищ Сталин? Ага, вот и постановление ВЦИК» – «Об изменении статьи 61 уголовного кодекса РСФСР». Здесь как раз и написано: «усилить меры ответственности лиц, отказывающихся от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение».

Вот и главное, на что надо опираться:

«При отягчающих обстоятельствах, когда подобные действия совершаются группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти, применять строгие меры вплоть до лишения свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с *выселением из данной местности*».

Через час Клемешев вернулся с тремя комсомольцами, один держал в руках винтовку. Уполномоченный удивлённо поднял бровь. Клемешев успокоил:

– Я вот что подумал: надо бы пораньше выезжать, чтобы не волновать народ. Тут, понимаешь, тоже родственники могут быть, кумовья кулаков. Могут и предупредить, а так все под рукой. Подводы тоже готовы: на заднем дворе. А сейчас давайте спать.

На сон оставалось слишком мало времени, поэтому быстро потушили лампу и тут же попадали, раздвинув красноармейцев.

Перед самым рассветом уполномоченный растолкал Клемешева. Красноармейцы уже встали и, весело переговариваясь, плескались у рукомойника. Разбудив комсомольцев, Пётр присел к столу, где уполномоченный развернул лист с пометками исполкома.

– Вот список кулаков с перечнем имущества, подлежащего передаче госхозу. С кого начнём?

– Лучше всего знают комсомольцы. Они в село на посиделки бегали. Яков! – позвал Клемешев осодмиловца.

Тот сосредоточенно осматривал винтовку. Передав её товарищу, подошёл к начальству. Уполномоченный показал ему список:

– Ну-ка, дай совет, с кого начнём?

Яков внимательно прочитал перечень и, ткнув на одну из фамилий, уверенно произнёс:

– Игнат Терентьев. Он как раз на самом краю живёт. Если от нас ехать – он первый. Дальше по улице – Пётр Ваганов, а Сизов на отшибе, у самого леса. Того надо вместе с Терентьевым брать, а то может и сбежать.

– Да куда он сбежит? От Советской власти не скроется.

– Вам виднее, а я бы не стал рисковать.

Уполномоченный рассмеялся:

– Поучи ещё. Я не одну контру вот этими руками взял, а ты мне указываешь.

– Сами просили, – Яшка обиженно отошёл.

– Мы тебя просили указать, с кого начнём, а не советовать, как нам действовать! – зло кинул уполномоченный и начальственным голосом распорядился, – Пётр Панфилович, распределяй по подводам и поехали.

Понукаемые комсомольцами, лошади потянули подводы к реке. Преодолев брод, кавалькада выехала на просёлок. Красноармейцы бодро вышагивали рядом. Лошади, пофыркивая, косились на незнакомцев и лениво помахивали хвостами. Вскоре показалось село. Улица была застроена низенькими кособокими избами, и только на самом краю высилось огромное здание с резными ставнями и флюгером на крыше. Это был дом, выстроенный Кузьмой Семёновичем Терентьевым, богатым владельцем паровой и водяной мельниц, земельных угодий и пастбищ. Паровая мельница давно была национализирована, угодья отошли коммуне, водяная мельница почти полгода простаивала из-за отсутствия зерна. О былом достатке напоминали только добротные ворота и просторный двор. Там жило нынешнее поколение Терентьевых: сын Игнат, его жена и шестеро погодков, младшему только исполнилось два года.

Красноармейцы распахнули ворота и подводы въехали во двор. Не обращая внимания на рвущегося с цепи кобеля, уполномоченный взойшёл на крыльцо. Навстречу вышел хозяин:

– Кто такие? Чего надо?

– Игнат Терентьев? – грозно надвинулся уполномоченный.

– Он самый. А вы кто такие? – Игнат встал в дверях.

– Я – Мезис Михаил Емельянович, представитель Советской Власти. Решением Барлакского исполкома ты и твоя семья подлежит раскулачиванию и высылке, – уполномоченный подошёл ближе и вытащил из сумки бумаги.

– Какому такому раскулачиванию? Я по налогам всё сдал. У меня и бумага есть, – Терентьев не сдвинулся с места.

– Вот решение исполкома о взятии тебя под стражу, выселении семьи и конфискации имущества, – уполномоченный помахал перед лицом Игната постановлением, отпечатанным на желтоватом листе бумаги. Терентьев взял бумагу, внимательно стал читать.

Выписка из протокола

Заседания районной Пятёрки по экспроприации и выселению кулачества Барлакского района.

п. Барлак 25.VIII/1929 г.

Слушали: Об экспроприации и выселении за пределы района гр-на:

ТЕРЕНТЬЕВА Игната Кузьмича, с. Кубовая, состав семьи:

Жена Александра 26, сын 6 лет, дочь 5 лет, дочь 4 года, дочь 3 года и сын 2 года.

Признаки кулацкого хозяйства: эксплуатация наёмного труда.

Постановили: Хозяйство признать кулацким, подлежит экспроприации и выселению за пределы района.

Выписка верна: Секретарь Райпятерки п/п.

Внезапно разорвав на части бумагу, Терентьев кинул обрывки под ноги. Глядя с ненавистью на толпу, наступил на клочки сапогом:

– Нет твоего решения. И права у тебя такого нет. Пошли вон, пока я кобеля с цепи не спустил.

– Это ты зря, – уполномоченный повернулся к красноармейцам. – Вяжите его.

Те навалились на Игната, пытавшегося схватить топор. Терентьева связали и посадили на подводу, а комсомольцы уже выводили причитающую жену Игната с ребёнком на руках и хныкающих ребятишек. Всех рассадили по свободным подводам и тут же принялись выносить вещи. Один из красноармейцев выстрелил в охрипшего от лая пса. Сразу стало тихо. Сам Терентьев неподвижно сидел в телеге, безучастно уставившись в одну точку. Его жена молча обнимала перепуганных детей, которые изредка всхлипывали, и только уполномоченный отдавал команды выносившим вещи красноармейцам. Скарб грузили на подводы без разбора: посуду и матрацы, инвентарь и одежду. Всё кидали внавалку для отправки в город. Лошадь впрягли в стоявшую во дворе лобогрейку, и один из комсомольцев сразу отправился назад. Все оставшиеся вместе с арестованным Игнатом Терентьевым, его женой и ребятишками, а также подводами с добром двинулись ко двору Петра Ваганова. Добротные ворота подворья Ваганова были заперты на засов. Это не смутило уполномоченного. Он послал одного из комсомольцев перелезть через забор и отпереть засов изнутри. Когда первая телега въехала во двор, из сеней выскочил сам Ваганов. В руках у него были вилы. Взмахнув ими как копьём, он метнул их в первого же попавшего под руку. На своё несчастье, им оказался Яков Ширинкин, которому вилы попали в грудь. Больше Пётр ничего сделать не смог, так как подоспевшие красноармейцы скрутили ему руки. К связанному Ваганову, которого крепко держали красноармейцы, подошёл Мезис. Вытащив из портфеля выписку из протокола, он почти по складам, с издёвкой, зачитал постановление и подал сигнал выносить вещи.

С Якова сняли рубаху, и один из комсомольцев принялся осматривать рану. Та оказалась глубокой. По всей видимости, было задето лёгкое. Чуть левее, и вилы попали бы в сердце. Расстелив кое-какие тряпки, Ширинкина уложили на телегу, подложив соломы, перевязали рану и велели пока потерпеть.

В то же время связанного Петра посадили рядом с Терентьевым. В отличие от молчаливого Игната, Ваганов грязно матерился и выкрикивал угрозы.

– Силосники проклятые! – кричал он. – Запомните, не пойдёт вам впрок моё добро! Жаль, Яшка, что тебя сразу не порешил! Жив буду, найду гадёныша!

– Да заткните ему рот – мешает работать, – спокойно обратился уполномоченный к одному из красноармейцев. Тот выхватил из кучи выносимого из дома тряпья полотенце и запихнул Петру в рот. В установившейся тишине раздавались только всхлипывания троих ребятишек, прижимавшихся к молчаливой жене Ваганова. Комсомольцы закончили выносить вещи, вывели из стойла двух коров и лошадь, и кавалькада двинулась в конец села, ко двору Тараса Сизова. Вокруг арестованных стала собираться толпа. В основном подходили женщины. Видно было, что люди настроены враждебно. То тут, то там раздавались недовольные голоса. Агрессивный настрой людей подогревался непрерывным плачем ребёнка на руках жены Терентьева. Посыпались прямые угрозы отбить арестованных. Видя серьёзность намерения сельчан освободить взятых под стражу «кулаков», уполномоченный пригрозил, что любая попытка приблизиться к выселяемым будет караться расстрелом. Недовольно ворча, толпа отступила.

Возле избы Сизова уполномоченный остановил подводы и в сопровождении красноармейцев подошёл к воротам. Во дворе было тихо. Красноармейцы опасно вошли в дом. Через минуту оба сошли с крыльца, удивлённо приглашая уполномоченного пройти. В избе никого не было. Вещи лежали на своих местах, как будто хозяева только что вышли. Возле печи стояла наполненная водой кадушка, на столе высилась аккуратная стопка тарелок. Даже прибранная кровать с перьевыми подушками указывала на недавнее присутствие людей. Но кругом было пусто. Хозяева бесследно исчезли. Кошка и та пропала. Уполномоченный грязно выругался, угрожая хозяину дома всеми небесными карами и сокрушаясь, что не послушал осодмиловца.

Красноармейцы с комсомольцами вынесли более-менее ценные вещи, погрузили на пустые подводы и опечатали двери.

На обратном пути Клемешев обратился к уполномоченному, ехавшему рядом с ним в бричке:

– Михаил Емельянович, а куда потом конфискованное добро пойдёт?

Тот хитро прищурился и в свою очередь спросил:

– А у тебя какой интерес к кулацкому имуществу?

– Видишь ли, мои комсомольцы прибыли в большинстве без пожиток. Иногда и переодеться не во что, не говоря уж о том, что у многих тёплых вещей нет. Вот я и думаю, а как бы нам было кстати что-нибудь прихватить.

Мезис откровенно рассмеялся:

– Ну, насчёт прихватить, здесь ты немного припозднился. Пока ты был занят кулацкими семьями, твои ребята кое-что припрятали. Я сделал вид, что не заметил: пускай пользуются, мои красноармейцы тоже не без греха – у каждого ведь семьи в городе. А вещи мы сдадим по описи для раздачи неимущим.

– Значит нельзя, – сник Клемешев.

– Да ты что? Я не сказал нельзя. Опись ещё не составлена. Возьмёшь, что тебе надо, вот тогда и составим.

– Это было бы здорово. А сельскохозяйственный инвентарь?

– Инвентарь получишь по акту. Здесь всё на законном основании. Есть распоряжение исполкома передать часть конфискованного имущества и инвентаря госхозу.

Прибывший в посёлок небольшой караван вначале разгрузили в конторе, где комсомольцы отобрали нужные вещи. Один из комсомольцев сбегал за Марфой Агафоновой. Прибежавшая Марфа принялась причитать и во весь голос подвывать. Стенания Марфы оборвал уполномоченный. Подойдя к телеге, он прижал женщину к груди и заверил, что сейчас Якова отправят в больницу и врачи быстро его поставят на ноги. Сидящий на соседней подводе Пётр Ваганов непостижимым образом вытолкнул изо рта кляп и издевательски крикнул: «Яшка! Ни на этом свете, так на том встретимся! Думаю, недолго осталось!» За что получил удар прикладом по голове от стоявшего рядом красноармейца. Второй красноармеец поднял с земли грязную тряпку и, несмотря на сопротивление Петра, затолкал тому в рот. А Мезис вытащил три типографских бланка и принялся составлять описи. Потев от натуги, он заполнил первый:

АКТ-ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

1929 августа месяца 6 дня в селе Кубовая составлен настоящий Акт

в том, что изъято имущество кулацкого хозяйства Терентьева Игната Кузьмича.

№п /п	Подробное наименование описанного и подлежащего продаже с торгов имущества	Количество (счетом, мерою, весом)
1	Изба, крытая тёсом	
2	Амбар-баня, мельница	
3	Лошадь одна рабочая. Одна молодая	
4	Лобогрейка	
5	Корова одна, овечка-две, ягнёнок	
6	Телега деревянная, плуг, две бороны, два хомута	
7	Сани двор	
8	Сено 5 копён, солома 8 овинов	
9	Хлеб пшеница 20 пуд, мука 10 пуд	
10	Картошки 5 пуд	
11	Две рубахи ситцевые, две кальсоны старые	
12	Стол, кровать, два стула	
13	Два чугуна, одна чашка, ложки 7 шт	
14	Старый тулуп	
15	Две подушки и постилка	
16	Потник из шерсти	
	Опись производил: Уполномоченный ОГПУ Мезис М Е При описи и оценке свидетели были: п/п Брынкин С, Хомяков М	

Таким образом были составлены ещё два акта. Мезис позвал красноармейцев, и те поставили подписи на всех бланках, затем позвал Клемешева:

– Пётр Панфилович, я описи составил. Сельхозинвентарь и часть имущества я оставляю. Позже привезу квитанцию из отдела финансов, оформишь по закону. Пока пиши расписку.

Красноармейцы уложили оставшееся добро на телеги. К вечеру уполномоченный вместе с высылаемыми семьями кулаков выехал на станцию Заводская. Якова Ширинкина отправили в больницу села Барлак.

Через неделю Тарас Сизов объявился в окрестностях Покровки. Местные жители стали поговаривать о какой-то повстанческой армии, выступающей против коммунистов и комсомольцев. И командиром там – Тарас Сизов. Власти насторожились, но пока меры не принимали. И раньше замечались грабежи и убийства, поэтому исчезновение двоих активистов села списали на залётных бандитов, действующих в одиночку.

«Повстанческая армия» Сизова

Конный разъезд Сизова остановился переночевать на Ломовской даче, ныне кордоне Барлакского лесничества. Дом лесничего выделялся отдельным строением, и с него просматривалась вся округа: большое, заросшее бурьяном поле, через которое шла дорога в город, окраина леса и часть обрыва берега реки. На краю поля стояло три дома, принадлежащих лесничеству, поодаль от дороги виднелись остатки полузасыпанных землёй и заросших травой не то складов, не то амбаров.

Разъезд возвращался из разведки, проверив ближайшую железнодорожную станцию Заводская, на которую прибыл пригородный поезд. С поезда сошли местные жители и разбрелись по своим домам. Лишь один пассажир молодежского вида, с рыжей бородой, вскинув на плечи небольшую котомку, решительно зашагал по пыльному просёлку в сторону села Кубовая. Просёлок проходил мимо кордона, вот там и решили разведчики подождать прохожего. Заодно можно было и переночевать у сочувствующего повстанцам лесничего.

Мужики спрятали лошадей в лесу, за домом, и сели за стол, выставив наблюдателя. Через час показался мужчина. Он шёл неторопливо, помахивая хворостиной. Поравнявшись с временками бывших складов, он остановился, удивлённо огляделся и направился к дому лесничего.

Повстанцы приготовились к встрече. Трое спрятались за занавеской, отделяющей полати от кухни. Старший, рябой мужик, остался сидеть за столом, делая вид, что пришёл в гости к хозяину и пьёт с ним чай. На столе стоял блестящий медный самовар. Хозяин держал одной рукой кружку, от которой шёл ароматный пар, другой вытирал платком обильный пот, выступающий на лбу. А рябой наливал чай в блюдце прямо из самовара, брал тремя пальцами и со смаком прихлёбывал. На колени он положил обрез, прикрыв его полотенцем. Владелец котомки подошёл к крыльцу, тщательно вытер ноги о лежавший у порога коврик и постучал в дверь.

– Не заперто! – крикнул лесничий. Обладатель рыжей бороды переступил порог и поздоровался:

– Доброго здоровьица.

– И тебе не хворать. С чем пожаловал, куда путь держишь? – с усмешкой ответил рябой. Молодой человек вытащил из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу:

– Вот демобилизовался. Прослышал, что близ Новосибирска разворачивается сельское строительство, попросился добровольцем. А тут вижу: селение. Может, есть для меня дело?

– Дел много. Но надо бы разобраться получше: кто ты есть, – рябой развернул бумагу. Делая вид, что внимательно читает предписание, он незаметно дал знак спрятавшимся соратникам. В ту же секунду на мужчину навалились укрывавшиеся за занавеской разведчики. В мгновение всунув в рот кляп, все трое деловито запыхтели, пеленая пленника по рукам и ногам. Пеньковая верёвка цепко впилась в загорелую кожу, отчего неподвижно лежавший человек громко замычал.

– Не нравится, – рябой ухмыльнулся. – Ничего, это ещё цветочки.

Связав пришельца, мужики принялись изучать документы.

– Ты смотри – комсомол? Суков Михаил Агафонович. Слышь, Рябой, что с этим парубком делать будем? Может, разрежем на куски и закопаем? Никто не хватится, – один из разведчиков вытащил из-за пояса топор.

– Охолонь, Макар. Мы его к Тарасу свезём. Пусть он и решает, что с ним делать. Может, это засланный. Неплохо бы узнать, зачем на самом деле шёл. А закопать всегда успеем, – Рябой остановил нападавшего.

– Как скажешь. Ты командир, – разведчик нехотя спрятал топор. – Живи пока, Михаил Агафонович. Ночку полежи тут спокойненько, а завтрава доставим к Тарасу. У него разговор быстрый.

Разведчики кинули связанного на пол, сами попадали на полати и попытались заснуть. Ночью гроыхало. Сначала по небу гоняло небольшие тучки. Ветер дул со всех сторон. Повстанцы с вечера посматривали на небо, ожидая ливня. Поэтому, когда стемнело, на всякий случай перевели лошадей под навес. Дождь начался внезапно. Ветер поднял пыль на дороге, и небо сразу затянулось чёрными низкими тучами. Тяжёлые капли дождя вначале нехотя упали на землю. Через минуту хлынул ливень, загрохотал по крыше, и в низинах заблестели лужи. Ветер усилился. Он поднимал тучи брызг и с силой кидал в окна. Дом стонал и скрипел, но стоял крепко. Под шум дождя и грохот ветра разведчики заснули коротким сном. Только Рябой несколько раз вскакивал, очумело осматривался по сторонам и снова укладывался рядом с товарищами.

Утро выдалось солнечным, как будто и не было ураганного ветра и ливня. Только большие лужи напоминали о ночном ненастье. Повстанцы встали с первыми лучами, вынесли перемотанное верёвкой тело и взвалили на одну из лошадей, затем вскочили в сёдла и направились к месту базирования «армии» Сизова. Через некоторое время показалась мельница, которая казалась заброшенной. Поравнявшись с домом, Рябой огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, протяжно свистнул. Услышав ответный свист часового, направил лошадь к мельнице и въехал под навес, когда-то предназначавшийся для сбора зерна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.